

Пролог

Девчонка дерзко взмахнула рукой, и несколько широких браслетов скатились с запястья почти до локтя. Драгоценные камни нагло сверкали в лучах яркого майского солнца. Наблюдатель облизал пересохшие губы, почесал квадратный подбородок, поросший черными колючими волосками, и снова уткнулся в бинокль, следя за каждым движением расфуфыренной студентки.

На крыльце престижного университета города собралась кучка молодых людей, хвастливо рассказывающих друг другу о своих дорогих тачках, припаркованных напротив главного корпуса. Двое парней демонстративно вертели в руках ключи от «БМВ» и «Мерседеса», лениво жуя жвачку. За этих пареньков через пару лет выйдут замуж такие же хвастливые и напыщенные девицы, тратящие сумасшедшие деньги на сумочки от Диор и дизайнерское тряпье. А потом у них родятся дети — избалованные с пеленок, которые вырастут копиями своих родителей...

— Было что-нибудь интересное, пока я торчал в той проклятой очереди? — спросил крепкий мужчина, завалившись на пассажирское сиденье невзрачного микроавтобуса. Он поставил на грязную панель два пластмассовых стакана с кофе и разложил на коленях шелестящую бумагу с горячим гамбургером. Жадно откусив огромный кусок, кивнул в сторону девчонки, за которой велось наблюдение: — Куколка сегодня при параде, да?

— Угу, — произнес его напарник, внимательно глядя в бинокль.

— Иной раз мне хочется отодрать эту самовлюбленную козочку прямо в ее новеньком «Мерседесе»! Вечно вырядится как потаскуха, и у меня шлагбаум в штанах поднимается.

Крепыш засмеялся, и лист салата, измазанный кетчупом, упал на его светло-серую футболку.

— Тебя всегда тянет к богатеньким пустышкам. — Опустив бинокль на колени, напарник взял свой стакан с кофе и сделал большой глоток. — На сегодня — все. Сворачиваемся.

Второй закашлялся, промокая салфеткой красное пятно.

— Утро ведь только началось! У нее еще весь день впереди.

— Твоя пустышка едет в маникюрный салон, потом в ювелирный магазин, чтобы забрать подарок для того «Кена» на синем «Ягуаре». А после она отправится домой. Ничего нового, все как обычно. Может, вечером свалит в бар с подружками, но нам от нее больше ничего не нужно. Мы уже многое знаем.

— Как скажешь. — Крепыш пожал плечами, засунул в рот остатки гамбургера и вытер жирные руки о футболку. Заметив неодобрительный взгляд напарника, фыркнул: — Все равно грязная!

Алекс завел колымагу, и она неспешно двинулась по широкой дороге, влившись в поток машин.

— Сегодня пятница, надо оттянуться.

— Завтра работа, будь в форме, — хмуро сказал Алекс, проведя ладонью по выбритому затылку.

На самом деле он очень опасался подобных «оттяжек» друга, да еще и накануне крупного дела, над которым они работали больше четырех месяцев. Но виду, конечно же, не показывал.

— Я уже все выучил вдоль и поперек. Могу продемонстрировать с закрытыми глазами.

— Надо быть в форме, — повторил Алекс, кинув на него короткий взгляд.

— Не дрейфь, Ал, все пройдет без сучка и задоринки.

— Типун тебе.

Корж издал свое фирменное «хм-м-м», которое в его интерпретации можно было считать за искренний смех. Гладковыбритое лицо растянулось в самодовольной улыбке, а прозрачно-серые глаза с презрением оглядели блестящий темно-красный «БМВ», остановившийся рядом с их микроавтобусом.

— Я все думаю, — начал говорить он, задумчиво рассматривая изящный профиль брюнетки за рулем немецкого седана, — а если этот Мойсов не расколется?

— Он все расскажет и покажет, — сквозь зубы процедил Алекс, внимательно наблюдая за пешеходами.

— А если нет? — повернул голову к товарищу Корж.

— Тогда отрежешь ему несколько пальцев. Мы уже такое проходили. Как только в поле зрения появляется твой секатор, языки тут же развязываются.

— Что мы будем делать, если и это не напугает его? Ведь Мойсов — та еще крыса! У него это на роже написано.

Алекс нахмурился, представив подобную ситуацию. В его семилетней практике такие случаи бывали редко, но когда заложники пытались строить из себя героев, приходилось принимать жесткие меры, чтобы выбить информацию.

— Тогда я буду метать нож.

— Или припугнем любимой дочуркой, — хмыкнул Корж, проведя по жирным губам ладонью, все еще пахнущей гамбургером из «Макдоналдса». Отпив кофе, он с улыбкой добавил: — Уж я-то с удовольствием это сделаю.

— Завтра его жена будет в центре событий, а не твоя пуштышка, которая уедет к своему «Кену» на вечеринку и останется там до утра.

— Молоденькая женушка, конечно, тоже ничего, но дочурка Мойсова меня прям с ума сводит!

Выдавлив кривую усмешку, Алекс размял мускулистую шею. Предстоящая ночь детально прокручивалась в его голове на протяжении нескольких месяцев, ведь успешный результат четко продуманного плана даст ему путевку в жизнь.

В ту жизнь, о которой он мечтал с семнадцати лет, как только впервые познакомился с миром профессиональных

грабителей. Именно — профессиональных. Словно фокусники, они могли появиться там, где их совсем не ждали, и исчезнуть в мгновение ока, прихватив пачки денег, не оставляя после себя никаких следов.

Алекс учился этому мастерству, впитывал информацию, как губка, и выкладывался по полной на заданиях, которыми снабжал свою группу его дедушка Роберт. Вспомнив о нем, Алекс усмехнулся, представив реакцию старика, узнай тот о намерении внука навсегда завязать с преступной деятельностью.

После завтрашнего дня он, Алекс, станет сам по себе и навсегда уедет из этого города, полного высокомерных выскочек и богатеньких пузатых папиков, исполняющих прихоти своих любовниц, «силиконовых» жен и развратных дочек. Кто-то считает, что родиться в такой семье, вырасти в золотом замке и стать заносчивым ублюдком, имея власть над «плебеями», — настоящая удача, но только не Алекс.

Он никогда не винил своего отца, отказавшегося участвовать в планируемых грабежах. По словам бабушки, тот делал все, чтобы не знать ничего, что касалось деталей работы, ибо владелец информации, так или иначе, становился косвенным сообщником преступления.

И однажды Роберт увидел в глазах внука искренний интерес, который напрочь отсутствовал у сына.

Для Алекса же дедушка был гением, великим мастером. О реальных делах Роберта знали только самые близкие, а для горожан он оставался привычным стариком, владельцем небольшого охотничьего магазина.

Благодаря деду Алекс научился быть незаметным, словно пантера в ночи. Он мог взломать любые замки, «выбить» из людей коды сейфов, хранящих в себе кучу денег и драгоценностей, быть беспристрастным к мольбам заложников и твердо держать марку бесчувственного преступника. Собственно, ему и не приходилось особо стараться, ведь Роберт постоянно твердил одно и то же, вбивая в голову внука свое отношение к богачам:

— Эти сосунки, купающиеся в золоте и бриллиантах, готовы говорить что угодно, лишь бы на их задницах не осталось царапинки. Дави на них до конца, пока не поймут, что их жалкие жизни висят на волоске. Каждый день они унижают простых смертных — сантехников, уборщиц, даже собственных парикмахеров! Им невдомек, что значит целыми днями горбатиться «на дядю», выслушивать оскорбления и получать за это копейки, которыми с трудом можно прокормить семью. Запомни, внук, — мы брали, берем и будем брать свое! Так устроена жизнь.

Высокомерные хвастливые идиоты, чьи планы расписаны на годы вперед, мерились тачками, элитным жильем в разных странах мира и дипломами дорогостоящих образовательных учреждений. Алекс ненавидел эту часть общества и, собираясь на очередную работу, становился перед зеркалом и долго смотрел в собственные темно-зеленые глаза, повторяя про себя слова дедушки: «Так устроена жизнь». Врываясь в чужие роскошные дома, полные антикварных вещей и дорогостоящих украшений, Алекс с пренебрежением смотрел на плачущих женщин, умоляющих отпустить их и не причинять им никого вреда, и внутренне торжествовал, когда их богатеи-папки чуть ли не ссали от страха потерять все свое нажитое имущество. Он всегда потешался над теми, кто хранил деньги в домах, считая эти напичканные камерами и системами безопасности коробки безупречными хранилищами.

К двадцати двум годам Алекс уже так профессионально владел тонкостями электроники и хакерским искусством, что ощущал себя могущественнее самых известных фокусников. И вскоре чрезмерная самоуверенность и чувство непревзойденности погубили его. Алекс часто задумывался над собственной значимостью в этом мире и, не находя ответов, «уходил в космос», тратя все свои сбережения на наркотики. Когда все стало слишком серьезно, Роберт насильно поместил внука в частную клинику, заплатив немалые деньги за лечение.

После скоропостижной смерти деда что-то внутри Алекса сломалось. Единственное, чем он мог заниматься, — следить

за людьми, изучать их распорядок дня, а после врваться в их дома и грабить. Сам факт того, что он тратил свою жизнь на изучение чужих жизней, раздражал его настолько, что всякий раз, наблюдая в бинокль за членами какой-либо семьи, ему хотелось выколоть себе глаза. Самодовольные «Барби» и «Кены», которых Алекс выслеживал, словно нарочно вертели перед ним ключами от дорогих машин, которых у него самого никогда не было, драгоценностями, сверкающими в лучах яркого солнца, и высокомерно улыбались, заставляя считать себя убожеством, недостойным такой жизни, как у них. Иной раз он ловил на себе эти надменные взгляды в барах, куда приходили его жертвы. Алекс сидел рядом с ними плечом к плечу за стойкой и слушал, как выскочки обсуждали своих знакомых, язвили и сплетничали. Никому и в голову не приходило, что рядом с ними находился человек, который вскоре ворвется в их благоустроенную обитель и заберет *свое*.

И теперь, в свои двадцать семь, он твердо решил бросить все то, чему его обучил дед. Алекс мечтал уехать в Европу, купить домик на берегу теплого моря, ездить в комфортном автомобиле и вести спокойную жизнь обыкновенного человека. Возможно, даже немного диковатую, но в ней обязательно должен присутствовать роскошный автомобиль, ведь он как-никак мужчина. И для осуществления этой мечты ему осталось совсем немного. Нужно лишь ограбить дом пузатого бизнесмена, где хранятся около ста миллионов рублей наличными. Это самый большой куш, который ему предстояло украсть за все годы своей работы.

Алекс стиснул челюсти и в очередной раз прокрутил в голове завтрашний день. Никто и ничто не сможет помешать ему, он готов на все — лишь бы никогда больше не видеть этот город.

Словно читая мысли напарника, Корж сказал:

— До сих пор поверить не могу, что после завтрашней ночи ты с кучей бабла свалишь отсюда.

— Его еще нужно найти в том чертовом доме.

Корж протяжно хмыкнул и бросил на Алекса самоуверенный взгляд.

— Мойсову придется рассказать, где он хранит свои миллионы. В противном случае я отрежу ему все пальцы и трахну его дочурку, ну и, быть может, молодую женушку. — Он почесал за ухом, там, где девять лет назад сделал мелкую татуировку в виде значка трефы, потому как считал, что именно эта масть в игральных картах приносит ему удачу. — А самое смешное, что этот крендель живет на самом отшибе, куда даже какой-нибудь заблудившийся хрен не в состоянии добраться. Настоящая удача.

Алекс злобно усмехнулся, сворачивая на забитую машинами дорогу, и через пару секунд негромко выругался, проклиная образовавшуюся пробку.

— Отстроил себе хоромы в лесу, напичкал каждый куст камерами и считает, что все под контролем, — продолжал бубнить Корж, доставая пачку сигарет из бардачка, набитого бумажками. Он закурил и выпустил клуб белого дыма в раскрытое окно. — Пока существуют такие дебилы, как Мойсов, у нас всегда будет работенка.

Взглянув на напарника, Алекс невольно почувствовал себя виноватым. Десять лет они были связаны этой работой, вместе учились у Роберта искусству грабежа, жили под его крышей и поддерживали друг друга во всем. А теперь Алекс жаждет распрощаться со всем этим раз и навсегда.

— Планируешь продолжать? — спросил он, стараясь не выдать досаду.

— Все может быть, — улыбнулся Корж, затянувшись сигаретой. — А вообще надеюсь расширить дело Роба. Хочу открыть огромный магазин для охотников и рыбаков, чтобы все нормальные мужики в городе знали только одно место, где можно купить оружие, удочку и камуфляжный костюм.

— Хорошая мысль. У тебя получится.

— Думаешь? Я ведь буду скучать по этому жесткому адреналину, что испытываешь всякий раз, когда врываешься в золотые замки. Неужели тебе не станет скучно?

— Я хочу эту скуку, — признался Алекс ровным голосом. — Хочу спокойствие.

— Если бы ты сказанул такое лет пять назад, я бы со смеху помер, честное слово! Помнишь, как мы отрывались после удачного «заплыва»? Бог мой, сколько спиртного, сколько девочек и счастья!

«И наркоты», — с отвращением подумал Алекс, стиснув челюсти.

— Не хочешь тоже свалить из этого города куда по-дальше?

— Нет, брат, я не такой отчаянный, как ты. Может, и правда расширю дело нашего старика. Куда-то ведь столько «капусты» надо деть, а? — засмеялся Корж. — Только... ты же знаешь, я быстро перегораю. Но в любом случае я буду счастлив, поверь мне.

Он снова потер татуировку за ухом.

Алекс давно заметил эту привычку напарника и знал, что тот делает это либо когда сильно обеспокоен, либо когда непременно жаждет чего-то. И он не был уверен в способности друга держать все под контролем. Импульсивность Коржа часто брала верх над здравым смыслом, что весьма негативно сказывалось и на работе, и в жизни.

Группа состояла из четырех человек, но никто из них не мог так четко продумать план работы, как Алекс, включая непредвиденные ситуации. По натуре своей он был слишком наблюдательным, мог долго молчать во время оживленной беседы и со стороны казался отстраненным от всеобщей суеты. На самом же деле он просто много думал. Если в поле его зрения появлялся объект, так или иначе привлечший к себе внимание, Алекс невольно погружался в его изучение. Это не на шутку выводило его из себя, ведь заинтересоваться клочком смятой этикетки от бутылки воды мог только идиот, которому нечем заняться.

«Почему ее оторвали? Тот, кто сделал это, явно нервничал и пытался хоть как-то отвлечься». И пошло-поехало...

Алекс снова выругался и нетерпеливо пересек двойную сплошную, уезжая в обратном направлении.

— Давай вечером в бар рванем, а?

— У нас работа завтра.

СПАСИ МЕНЯ

— Я напиваться не буду, зуб даю! Просто отдохнем с парнями, выпьем по кружке пива и уедем. А ты сможешь провести очередное наблюдение за каким-нибудь объектом.

— Меня уже тошнит от этой идиотской фразы!— рыкнул Алекс.

Его бесило то, что обыкновенный отдых ассоциировался не с обычным трепом языком за выпивкой, а со «слезкой за объектом». Да, в любом месте, куда бы ни привела его судьба, он всегда будет вести наблюдение. За кассиршей, потирающей нос, за барменом, недоливающим несколько капель спиртного, и за всеми, кто громко кашляет, чихнет или закурит. Все чаще Алексу хотелось лишиться памяти, чтобы забыть об этой осточертевшей осторожности, внимании к деталям и собственных умозаключениях, которые, казалось, самостоятельно формировались в голове, стоило ему только несколько минут понаблюдать за кем-либо.

— Ладно, поедем в бар, — сказал он притихшему Коржу. — А завтра, пока твоя пустышка будет на вечеринке, мы грабанем ее папашу, и я навсегда свалю отсюда.

Глава 1

2010 год

Небольшая кожаная сумка с минимальным количеством вещей одиноко лежала на полу в прихожей и ждала своего часа. Через несколько минут рядом с ней появился огромный стальной чемодан. Новенький и блестящий, он буквально излучал изысканность, которой совершенно не обладала его слегка затертая соседка, развалившаяся на испанской керамической плитке.

— Рита заедет за тобой с минуты на минуту, так что советую сесть и ждать звонка. Не забудь выключить везде свет и проверить окна, они должны быть закрыты. Сегодня-завтра обещают дожди.

— Конечно, — сдержанно ответила девушка, закручивая волосы в объемный пучок на затылке. Она неотрывно глядела на свою мать, что так любила отдавать приказы по любому поводу, и в который раз с облегчением подумала, что в ближайшие два месяца родительницы снова не будет дома.

— Не злись. Нужно всегда помнить о мерах безопасности.

— Я с четырнадцати лет живу одна по несколько месяцев подряд, мам. И за эти четыре года у нас ни разу не случилась какая-нибудь бытовая катастрофа, о которой ты постоянно думаешь. — Сделав паузу, она тихо добавила: — И я не злюсь.

Женщина с модной асимметричной стрижкой заправила за ухо длинную прядь светлых волос и с нетерпением взглянула на дочь:

— Будь умницей, ладно? Я пашу как проклятая, чтобы ты ни в чем себе не отказывала, переживаю за тебя, а ты только и делаешь, что постоянно пререкаешься со мной.

Белла мысленно закатила глаза, ведь снова началась заезженная песня, в которой она — плохая дочь, идущая против воли матери, а та, в свою очередь, истинный пример мудрого родителя, делающего все для счастья собственного ребенка. По правде же, Белла знала, что мамины долгосрочные командировки в разные страны мира были не чем иным, как любимым хобби, за которое платили хорошие деньги, и, конечно же, идеальной, как считала сама Оксана, отговоркой на любой случай.

«Меня не будет на твоём выпускном, снимаем ролик в Амстердаме».

«Я не приеду на Пасху, отправляюсь в Пекин».

«Жаль, что на твоё пятинадцатилетие я буду в Мексике. Не скучай!»

— И кстати, декан университета с радостью примет тебя на факультет журналистики даже без предварительного собеседования, — сообщила Оксана, скорее с упреком, нежели с радостью. — Абитуриенты будут трястись от страха, переживать, а ты просто сядешь на кухне пить чай. Могла бы и «спасибо» сказать.

— Я этого не просила. И ты прекрасно знаешь, что я выбрала другую профессию.

— Никакой другой профессии нет и быть не может, — заявила Оксана, выставив перед собой указательный палец. — И хватит уже говорить об этом.

Белла громко втянула носом воздух и с трудом проглотила комок раздражения. Последняя тема, которая вносила раздор в маленькую семью, состоящую из этих двух совершенно непохожих друг на друга женщин, — образование Беллы.

— Только представь, уже с первого курса ты сможешь практиковаться на телевидении! Алла Горич с удовольствием возьмет тебя под свою опеку и...

Девушка нетерпеливо потрянула головой и, развернувшись на пятках, сделала несколько шагов в сторону гостиной, за-